

Jean Hanff Korelitz

THE PLOT

Джин Ханфф Корелиц

СЮЖЕТ

Перевод Дмитрия Шепелева

**LIVE
BOOK**

Москва

2024

УДК 82-3
ББК 84 (4)
К 66

Дизайн обложки Виктории Лебедевой
В оформлении обложки использованы материалы
Shutterstock

Корелиц, Джин Ханфф.

К 66   Сюжет : [пер. с англ. Дмитрия Шепелева]. — Москва :
Лайвбук, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-907428-45-4

Джейкоб Финч Боннер — преподаватель литературного мастерства. Некогда он написал успешный дебютный роман, но с той поры ни одна из его книг не стала событием в мире литературы. Все меняется, когда на его курсе появляется амбициозный студент, у которого есть сюжет для настоящего мирового бестселлера. Через некоторое время Джейкоб представляет публике роман и продает его огромными тиражами, но теперь он вынужден расследовать обстоятельства нескольких смертей, чтобы узнать, кто же это так дерзко обвиняет его в воровстве сюжета. Захватывающий многоходовый триллер-сенсация — о том, что в каждой тайне скрывается еще более ужасная тайна и каждый человек может поддаться искушению. Главное, чтобы это было только его Искушение, самое судьбоносное, за которое не жалко заплатить невероятную, страшную цену.

УДК 82-3
ББК 84(4)

Copyright © 2021 by Jean Hanff Korelitz
© Дмитрий Шепелев, перевод, 2022
© оформление, Livebook Publishing, 2024

ISBN 978-5-907428-45-4

Посвящается Лори Юстис

Хорошие писатели заимствуют,
великие — крадут.

Т. С. Элиот

(возможно, украл у Оскара Уайлда)

Часть первая

Глава первая

Каждый может быть писателем

Джейкоб Финч-Боннер, подававший некогда надежды автор «Изобретения чуда» («нового и неординарного» романа, согласно «Книжному обозрению „Нью-Йорк Таймс“»), вошел к себе в кабинет на втором этаже корпуса Ричарда Пенга, поставил потертый кожаный портфель на пустой стол и огляделся с затаенным отчаянием. За четыре года преподавания он успел сменить четыре кабинета в этом здании, мало чем различавшихся между собой, разве что из окна четвертого была видна вполне себе академическая аллея, а не парковка, как из окон двух предыдущих, и не помойка, красовавшаяся под окном первого; (самое смешное, что он тогда был, можно сказать, на вершине литературной карьеры и мог бы рассчитывать на что-то более

презентабельное). Единственным предметом в кабинете, хоть как-то намекавшим на литературу (и вообще живое и личное), был потертый портфель, в котором Джейк с давних пор носил ноутбук, а в тот конкретный день — еще и работы своих студентов. Этот портфель он купил на барахолке незадолго до публикации своего первого романа, решив, что тот добавит трогательный штрих к его портрету: «успешный молодой романист не расстается со старой кожаной сумкой, верно служившей ему на пути к славе!» Но мечта о славе давно осталась в прошлом. А если он еще и продолжал надеяться на что-то, у него все равно не было повода тратить на новый портфель. Больше не было.

Корпус Ричарда Пенга — малосимпатичное здание из белого пенобетона, расположенное позади спортзала, рядом с общежитиями для «девчонок» — возник в кампусе в 1960-е, когда колледж Рипли стал принимать студентов обоих полов; одним из первых в Америке, отдадим ему должное. Ричард Пенг был студентом-технарем из Гонконга, и хотя он, по всей вероятности, испытывал большую признательность за свой дальнейший успех к Массачусетскому технологическому институту, который окончил *после* колледжа Рипли, МТИ отклонил его предложение о постройке «корпуса имени-меня», во всяком случае, за ту сумму, которую тот был готов пожертвовать. Первоначально корпус Ричарда Пенга предназначался для

научно-технических программ, о чем красноречиво говорили такие детали, как большие уютные окна вечно пустого вестибюля, длинные безлюдные коридоры и, собственно, бездушный пенобетон. Но после того, как в 2005 году колледж Рипли распрощался с точными науками (как и со всеми научно-техническими программами, не исключая и общественных наук) и перепрофилировался, выражаясь словами попечительского совета, «на изучение и развитие искусств и гуманитарных наук, стремительно теряющих значение в современном мире, который так в них нуждается», корпус Ричарда Пенга был отдан под очно-заочную программу магистратуры художественной литературы, поэзии и автобиографической прозы (мемуаров).

Вот так в корпусе Ричарда Пенга, в кампусе колледжа Рипли, в причудливом краю на севере штата Вермонт, достаточно близко к пресловутому «Северо-восточному королевству»*, нашли пристанище писатели, чтобы перенять кое-что от его эксцентричности (с 1970-х эту область облюбовала одна немногочисленная, но стойкая христианская община), но не настолько далеко от Берлингтона и Хановера, чтобы считаться медвежьим углом. Конечно, курсы писательского мастерства преподавались в колледже уже в 1950-е, но тогда

---

* Северо-восточная область штата Вермонт, США, включающая округа Эссекс, Орлеан и Каледония. (Здесь и далее примеч. пер.)

никто не относился к ним всерьез, и меньше всех — попечительский совет. Однако всем учебным заведениям, не желавшим вылететь в трубу, приходилось как-то приспособливаться по мере того, как в стране менялся культурный фон и студенты все настойчивей *выдвигали требования*; пришло время, и стали *котироваться* такие дисциплины, как феминология, афроамериканистика и информатика, подтверждавшая, что компьютеры — это *вещь*. Когда же Рипли ощутил на себе большой кризис конца 1980-х и окинул сложившуюся ситуацию трезвым и крайне тревожным взглядом, оказалось, что спасение с наибольшей вероятностью обещает — сюрприз! — *писательское мастерство*. И была открыта первая (и пока единственная) аспирантура по писательскому мастерству, получившая название Симпозиумов Рипли, которые через несколько лет практически поглотили весь колледж, так что, в итоге, все, что от него осталось, — это очно-заочная программа, наиболее удобная для студентов, не желавших все бросать ради двухгодичной магистратуры в области изящных искусств. Да никто этого и не ждал! Писательское мастерство, как гласил глянцевого проспекта и многообещающий веб-сайт колледжа Рипли, вовсе не являлось элитарным занятием, доступным лишь немногим избранным. Напротив, каждый человек обладал уникальным голосом и собственной историей, которую никто, кроме

него, не мог поведать миру. И каждый — особенно при поддержке Симпозиумов Рипли — мог быть писателем.

Всю свою жизнь Джейкоб Финч-Боннер хотел быть только писателем *и никем иным*, начиная с детства на задворках Лонг-Айленда, последнего места на свете, откуда мог бы выйти серьезный автор. Тем не менее, именно там судьба-насмешница определила ему появиться на свет, единственному ребенку в семье налогового адвоката и школьного психолога. Почему Джейк увидел свою звезду на маленькой, невзрачной книжной полке районной библиотеки, обозначенной «Авторы Лонг-Айленда!», оставалось лишь гадать, но это не осталось незамеченным в доме новоявленного писателя. Его отец напирал на то, что писательством сыт не будешь («Писатели денег не зарабатывают! Кроме Сидни Шелдона. Ты что, решил стать новым Сидни Шелдоном?»), а мать при каждом удобном случае, то есть *постоянно*, напоминала ему о том, что предварительный экзамен на определение академических способностей выявил у него самые средние (читай, посредственные) навыки владения устной речью. Джейк ужасно комплексовал из-за того, что знал математику *лучше, чем родной язык*. Он должен был преодолеть досадные препятствия, но где вы видели художника без препятствий? Все свое детство и отрочество он упорно читал (не просто упорно, но придирчиво и завистливо),

пренебрегая основными школьными предметами и избегая обычных подростковых соблазнов, чтобы лучше подготовиться к ожидавшему его соперничеству. А после школы поступил в Уэслиан^{*}, изучать писательское мастерство, и попал в тесный коллектив *протороманистов* и авторов рассказов, не меньше его одержимых своим призванием.

Какие только мечты не лелеял молодой Джейкоб Финч-Боннер о своей будущей книге. (Заметим, что фамилия Финч-Боннер была отчасти псевдонимом: веком ранее прадед Джейка по отцу, звавшийся Бернштейном, решил стать Боннером, а Финча присовокупил уже сам Джейк, в знак признательности к роману, пробудившему в нем любовь к литературе^{**}.) Бывало, он представлял, что сам написал свои любимые книги, и мысленно давал о них интервью критикам и обозревателям (всегда смиренно принимая расточаемые похвалы) и проводил читки перед внушительной, алчно внимавшей ему публикой в книжном магазине или лекционном зале. Он спал и видел свою фотографию на заднем клапане суперобложки (в образах, давно вышедших из моды: «писатель за пишущей

^{*} Уэслианский университет — гуманитарный университет в городе Мидлтаун, штат Коннектикут, США; основан в 1831 г.

^{**} Имеется в виду культовый роман американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960), главного героя которого зовут Аттикус Финч.

машинкой» или «писатель с трубкой») и представлял, как сидит за столом, от которого змеится очередь читателей, и подписывает свои книги.

«Благодарю,— искренне говорил он каждому (и каждой!) из них.— Так приятно это слышать. Да, у меня она тоже одна из любимых».

Нельзя было сказать, что Джейк только и делал, что витал в облаках. Он понимал, что книга сама себя не напишет и что ему придется потрудиться (напрячь воображение, приложить усилия, развить навыки), чтобы стать настоящим писателем. Он также понимал, что у него не будет недостатка в конкурентах: многие молодые люди питали не меньшую страсть к книгам и хотели писать их, и он допускал, что кто-то из них мог быть *даже талантливей* его, обладать более ярким воображением или хотя бы большим упорством. Такие мысли не приносили ему радости, но, к счастью, он был объективен к себе. Он понимал, что не сможет преподавать английский в государственной школе («если писательство не выгорит») или поступить в юридический колледж («да ладно?»). Он понимал, что избрал свою стезю и пошел по ней, и не собирался останавливаться до тех пор, пока не возьмет в руки свою книгу — и вот тогда весь мир узнает то, что сам он знал давно:

Он — писатель.

Великий писатель.

Во всяком случае, он к этому стремился.

Джейк перебрался в новый кабинет в корпусе Ричарда Пенга на исходе июня, когда Вермонт без малого неделю не просыхал от дождей. Войдя в кабинет, Джейк заметил, что наследил по всему коридору, опустил скорбный взгляд на свои кроссовки — почти не ношенные, еще недавно белые, теперь же побуревшие от влаги и грязи — и решил, что снимать их уже смысла нет. Несколько часов он провел за рулем, по пути из города, с двумя пластиковыми сумками, набитыми одеждой, и этим старым кожаным портфелем, в котором лежал почти такой же старый ноутбук с набросками его нового романа — романа, над которым он теоретически (но не практически) работал — и папки с работами его студентов, и Джейк подумал, что всякий раз, как направляется на север, в Рипли, берет с собой все меньше багажа. В первый-то год... Большой чемодан, набитый одеждой (как знать, какой образ мог пригодиться в течение трех недель в северном Вермонте, в окружении непременно благоговейных студентов и столь же непременно завидующих коллег?) и напечатанными сигнальниками его второго романа — он любил периодически сокрушаться на публике о нетерпеливом издателе. А теперь? Два скромных пластиковых пакета с джинсами и рубашками, и ноутбук, нужный ему, в основном, для заказа еды и просмотра ютьюба.

Если он не бросит эту депрессивную работу еще год, он, вероятно, вообще перестанет брать ноутбук.

Джейка отнюдь не радовала перспектива скорой сессии Симпозиумов Рипли. Как не радовала и скорая встреча со скучными, занудными коллегами (среди них были и писатели, но никто не вызывал у него неподдельного восторга) или наигранный энтузиазм при знакомстве с очередной оравой студентов, каждый из которых был твердо уверен, что однажды напишет — если *уже* не написал — Великий Американский Роман.

А главное, его не радовала перспектива и дальше изображать из себя писателя, да еще выдающегося.

Не стоило удивляться тому, что Джейк никак не готовился в преддверии Симпозиумов Рипли. И даже не открывал неприятно пухлых папок с работами своих студентов. Когда он только начал преподавать в Рипли, он убедил себя, что достойным дополнением к образу «великого писателя» будет образ «великого учителя», и уделял самое пристальное внимание письменным работам этих ребят, плативших немалые деньги, чтобы учиться у него. Но папки, которые он сейчас доставал из портфеля, папки, которые он должен был начать читать несколько недель назад, когда получил их от Рут Стойбен (весьма саркастичной заведующей Симпозиумов), успели проделать путь от ящика срочной почты до нового кабинета, ни разу не обнажив перед ним своих бумажных тел, а тем более душ. Теперь же Джейк смотрел на них недобрым

взглядом, предчувствуя тягостный вечер, словно они были виновны в его прокрастинации.

Ну серьезно, что такого ценного могло его поджидать в этих папках с проекциями чьих-то внутренних миров, настойчиво продолжавших стекаться в северный Вермонт, заполняя стерильные аудитории корпуса Ричарда Пенга и этот самый кабинет, за несколько дней до начала индивидуальных занятий? Его новые студенты, эти *пылкие неофиты*, ничем не будут отличаться от своих предшественников: довольных жизнью профессионалов, убежденных, что смогут штамповать приключенческие романы в духе Клайва Касслера, мамочек, ведущих блоги о своих детишках и уверенных, что им с радостью доверят писать тексты для программы «Доброе утро, Америка», и пенсионеров, решивших «вернуться к писательству», не сомневаясь, что писательство их ждет не дождется. Но хуже всех были те, что напоминали Джейку его самого — «прирожденные романисты», донельзя самоуверенные, считающие себя лучше всех. Если новым Клайвам Касслерам и мамочкам-блогершам еще можно было внушить, что Джейк — знаменитый или хотя бы «весьма престижный» молодой (точнее, «моложавый») романист, то будущие Дэвиды Фостеры Уоллеса и Донны Тарт — могли ведь такие оказаться среди его студентов? — не купились бы на это. Такие сразу поймут, что Джейкоб Финч-Боннер выдал с горем

пополам один хороший роман, не сумел написать достойного второго, не говоря о третьем, и теперь прозябает в этакое чистилище для подававших надежды писателей, и вряд ли ему дано вернуться в обойму. (На самом деле Джейк написал-таки третий роман, но предпочитал помалкивать об этом, пока не найдет издателя, готового за него взяться. Да, он написал третий роман и даже четвертый, но эти рукописи, на создание которых он положил без малого пять лет своей жизни, отвергали один за другим самые разные издатели, от именитых до безвестных, от «проверенного» издателя «Изобретения чуда» и респектабельного академического издателя «Ревербераций», до бесчисленного множества мелких издателей, списки которых помещаются на задней обложке альманаха «Поэтов и писателей»; Джейк в свое время потратил круглую сумму, чтобы войти в их ряды, но остался с носом. Учитывая эти удручающие обстоятельства, он предпочитал, чтобы его студенты считали, что он все еще трудится над своим мифическим титаническим вторым романом.)

Даже не читая работ новых студентов, Джейк чувствовал, что уже знает их так же хорошо, как и их предшественников, то есть лучше, чем бы ему хотелось. Он, к примеру, знал, что представления авторов о своей одаренности сильно завышены, однако их тайные страхи о своей бездарности, скорее всего, оправданы. Он знал, что они хотят

получить от него нечто такое, что он был совершенно не способен им дать, и ему не хотелось притворяться. Он также знал, что никто из них не добьется успеха и что после того, как они попрощаются с ним по прошествии трехнедельного курса, он их больше никогда не увидит и не вспомнит. И это на самом деле было все, чего он от них хотел.

Но для начала он должен был рассказать им свою профессиональную сказку о том, что все они и сам он могут чему-то научиться друг у друга, поскольку все они «коллеги-по-искусству», что у каждого из них есть свой уникальный голос и неповторимая история, которую они в состоянии рассказать, а потому каждый из них заслуживает называться этим волшебным словом — *писатель*.

Был уже восьмой час, а дождь не прекращался. К тому времени, как Джейк увидит своих новых студентов следующим вечером, на гостеприимном пикнике, он должен будет расточать улыбки и искриться воодушевлением, как подобает настоящему наставнику, чтобы ни у кого из новых участников Симпозиумов Рипли, видящих себя магистрами изящных искусств, не возникло сомнений, что «одаренный» («Филадельфия Инкуайрер») и «многообещающий» («Бостон Глоуб») автор «Изобретения чуда» обладает всем необходимым, чтобы ввести их в Шангри-Ла литературной славы.

К сожалению, единственный путь туда лежал через эти двенадцать папок.

Джейк включил стандартную настольную лампу Ричарда Пенга и уселся в резко скрипнувшее стандартное кресло Ричарда Пенга, после чего долго всматривался в грязную полосу по краю пенобетонной отделки на стене рядом с дверью, до последнего оттягивая тот муторный момент, когда он откроет первую папку и поймет, что его ждет ужасный вечер.

Сколько раз, оглядываясь на тот вечер, последний вечер, который он будет вспоминать как «до всего этого», он пожалеет, что допустил такую грубую, фатальную ошибку? Сколько раз, несмотря на то что одна из этих папок приведет его к баснословному богатству, он пожалеет, что не вышел из безликого кабинета, не прошел обратно по коридору, не сел в машину и не проделал долгий путь до Нью-Йорка, к своей заурядной, неудавшейся жизни? Столько, что и не счесть. Но было уже слишком поздно.

Глава вторая

Блондин с открывашкой

К тому времени, как следующим вечером начался приветственный пикник, Джейк был на последнем издыхании. Он проспал не больше трех часов, но заставил себя явиться на факультетское собрание и задремал во время ритуальной речи Рут Стойбен о моральном кодексе колледжа Рипли в отношении сексуальных домогательств. Однако он был рад узнать, что в этом году его избавят от студентов, считающих себя поэтами,— их переведут к учителям, также считающим себя поэтами (Джейк не представлял, что полезного он может дать начинающим поэтам, зная из личного опыта, что поэты нередко читают прозу, тогда как прозаики *почти* никогда не читают поэзию, хотя нередко врут об этом), так что теперь он мог быть уверен, что все его двенадцать студентов будут

прозаиками. Но что за прозу они писали! В течение ночного читательского марафона «Ред Булл окрыляет» Джейк ознакомился с сочинениями, в которых повествование скакало так, словно рассказчик был блохой, прыгавшей с одного персонажа на другого, а рассказы (или... главы?) были такими вялыми и вместе с тем лихорадочными, что подразумевали... в худшем случае, ничего, а в лучшем — не пойми что. Времена путались в пределах параграфов (иногда — в пределах предложений!), а отдельные слова использовались так произвольно, что автору не мешало бы уточнить их значение. Некоторые были настолько не в ладах с грамматикой, что Дональд Трамп у них получался похожим на Стивена Фрая, и едва ли не все строили предложения, которые нельзя было охарактеризовать иначе, как самые заурядные.

Чего только не было в этих папках: шокирующая история нахождения полуразложившегося трупа на пляже (груди трупа описывались — смех сквозь слезы — как «спелые дыньки»); выпренный рассказ о том, как автор путем генетической экспертизы выяснил, что он «частично африканец»; унылое описание жизни матери и дочери в старом доме; начало романа о бобровой плотине «в глухой чащобе». Какие-то из этих сочинений даже не пытались прикидываться литературой, и Джейк мог легко разделаться с ними — достаточно было вычленить основную идею и сделать

элементарную правку красным карандашом, чтобы оправдать свою зарплату и отстоять профессиональную честь; но другие, более умышленно «литературные» работы (из числа, как ни странно, самых безграмотных) грозили вывернуть ему душу. Он это знал. Он уже это чувствовал.

К счастью, факультетское собрание оказалось не таким уж мозговыносящим. Вернувшаяся профессура Симпозиумов Рипли неплохо ладила между собой и, хотя Джейк не мог сказать, что *по-настоящему* дружил с кем-то из них, у него сложилась традиция один раз за сессию пропускать по пиву в студенческом кафе с Брюсом О'Райли, профессором английского на пенсии из Колби, написавшим полдюжины романов, изданных независимой прессой в его родном Мэне. На этот раз Джейк заметил двух новеньких в переговорной комнате Ричарда Пенга: взвинченную поэтессу по имени Элис, примерно его ровесницу, и некоего Фрэнка Рикардо, который представился «мультижанровым» писателем, причем свое имя он произнес с таким нажимом, словно остальные должны были — или, во всяком случае, *могли* — его знать. Фрэнк Рикардо? Джейк с некоторых пор (с тех самых, как понял, что никто не хочет издавать его четвертый роман) перестал следить за новыми писателями — это причиняло ему боль — и не мог вспомнить, чтобы хоть что-то слышал о Фрэнке Рикардо. (Разве Фрэнк Рикардо выиграл Националь-

---

ОБ АВТОРЕ

Джин Ханфф Корелиц — писатель, поэт. Родилась и выросла в Нью-Йорке, получила образование в Дартмутском колледже и Клэр-колледже в Кембридже. Автор романов «Ты должна была знать» (сериал НВО «Отыграть назад» с Николь Кидман и Хью Грантом), «Экзамен для двоих» (экранизация 2013), «Дьявол и Вебстер» и др., а также сборника стихов «Свойства дыхания».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- Глава первая.* Каждый может быть писателем..... 11
Глава вторая. Блондин с открывашкой..... 24
Глава третья. Эван Паркер/Паркер Эван..... 39
Глава четвертая. Это типа бомба..... 48

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- Глава пятая.* Изгнание..... 75
Глава шестая. Этот кошмар..... 87
Глава седьмая. Искра..... 96

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- Глава восьмая.* Синдром сороки..... 111
Глава девятая. Могло быть хуже..... 124
Глава десятая. Ютика..... 138
    Сорока 147
Глава одиннадцатая. Талантливый Том..... 152
Глава двенадцатая. Я — Никто. А ты — ты кто?..... 163
    Сорока 181
Глава тринадцатая. Нагрень..... 186
Глава четырнадцатая. Словно из книги..... 192
    Сорока 204

<i>Глава пятнадцатая. С чего бы ей передумать?.....</i>	208
<i>Глава шестнадцатая.</i>	
Только самые успешные писатели.....	220
Сорока	234
<i>Глава семнадцатая. Побочный эффект успеха</i>	237
Сорока	243
<i>Глава восемнадцатая.</i>	
Притворство отнимало много сил.....	246
<i>Глава девятнадцатая.</i>	
Куда ему осталось пойти.....	258
Сорока	274
<i>Глава двадцатая. Никто не ездит в Ратленд.....</i>	276
<i>Глава двадцать первая. Плак-плак, как жалко.....</i>	287
Сорока	299
<i>Глава двадцать вторая. Гостеприимство.....</i>	302
Сорока	318
<i>Глава двадцать третья. Родословная.....</i>	323
<i>Глава двадцать четвертая. Теперь он это понял</i>	339
Сорока	356

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

<i>Глава двадцать пятая. Афины, Джорджия.....</i>	365
<i>Глава двадцать шестая. Бедная Роза.....</i>	373
Сорока	397
<i>Глава двадцать седьмая. Огонек.....</i>	399
<i>Глава двадцать восьмая. Метанарратив.....</i>	427
Сорока	432
<i>Глава двадцать девятая.</i>	
Для этого даже не нужно быть писателем.....	436
<i>Глава тридцатая. Столько напрасных усилий.....</i>	452
ЭПИЛОГ.....	470
БЛАГОДАРНОСТИ.....	475
ОБ АВТОРЕ	477